

Воспоминания

Л. А. Тиме

Захино

В дореволюционное время в селе Захино Опочецкого уезда (ныне Пушкиногорский район) существовал уникальный в своем роде турбино-строительный завод братьев Эдуарда и Альберта Тиме, изделия которого расходились по всей России. На склоне своих лет один из потомков предпринимателей - Лев Альбертович Тиме (1907-1999) решил написать воспоминания о своих предках, событиях начала XX в. и, конечно, о Захине. Они были литературно записаны его племянником, а рукопись передана в Опочецкий краеведческий музей. Ей предшествовало небольшое введение:

«Мысль восстановить в памяти и нанести на бумагу картины далекого детства, юности и захинского житья большой семьи наших общих предков пришла дяде Лева не случайно. Она вполне согласуется с общечеловеческой высокой моралью преемственности поколений, почти утерянной в настоящее время. Безусловно, сыграл роль преклонный возраст, а может быть, в какой-то степени повлияли и наши просьбы, но, без всякого сомнения, он это сделал по зову души.

Осуществлению задуманного, очевидно, сильно помогли, с одной стороны, необычайная словоохотливость дяди Эдуарда, а с другой - страстная увлеченность отца фотографией. Рассматриваемые дядей Левою многочисленные отцовские фотоснимки разбудили как будто спящие где-то в глубине сознания, давно ушедшие картины захинской действительности, оживленные и дополненные дядиными рассказами.

Поражает, с какой скрупулезностью дядя Лева на девяносто втором году жизни смог по

памяти изобразить на плане села Захина все входящие в него многочисленные постройки, учитывая их взаимное расположение, с разрезами по этажам и описать с мельчайшими подробностями не только усадьбу, но и жизнь ее обитателей, не упуская многие, очень ценные для нас, нюансы взаимоотношений большой дружной захинской семьи.

Неутомимая энергия, трудолюбие и изобретательность братьев Эдуарда и Альберта, имевших хорошие корни, а также жизненное кредо всей их семьи, взаимная любовь и душевное благородство вызывают у нас глубокое уважение и чувство гордости за своих предков, заставляя задуматься о многом. Например, о том, как сложилась бы жизнь в Захине, не будь национализации, учитывая, что захинские водяные турбины поставлялись широко по всей России и Прибалтике.

Мы, ближние родственники, сердечно благодарим дядю Лева за этот весьма ценный для нас труд, который, надеемся, послужит примером для нас и наших потомков.

Воспоминания печатались с полным сохранением стиля и орфографии».

Для публикации в настоящем номере рукопись воспоминаний предоставил директор Опочецкого краеведческого музея А. В. Кондратеня.

От автора

Написать эти записки о Захине меня побудило желание вспомнить и пережить, пока не совсем угасло мое сознание, еще раз ту

счастливую пору жизни моего детства и юности, которую я провел в кругу нашей большой семьи, членов которой я всех любил, а также оставить краткие сведения для потомков, если они заинтересуются тем, где и как жили их предки.

Однако я никогда не обладал приличными способностями в гуманитарных науках, особенно в элоквиенции, и с трудом ясно излагаю свои мысли. Поэтому мне пришлось начать воспоминания с выполнения чертежей всего села Захина и принадлежавших нашей семье построек, что, учитывая мою профессию, для меня было легче. В этом мне очень много помогли снимки моего отца, заключенные в четырех альбомах, к которым приложены объяснения.

О наших немецких предках мало что известно. Почти все сведения о них я почерпнул из рассказов моего дяди Эдуарда. Он любил на досуге вечером, особенно зимою, сидя в своем уютном кресле, рассказывать разные истории из прошлого. Мы, дети, сидели рядом и с большим интересом слушали его рассказы. Мой отец и живший у нас на покое мой дед Владимир Васильевич Руднев, как мне помнится, очень редко на эти темы говорили. Я стараюсь в этих записках вспомнить и записать дядины рассказы, а главное, также поделиться своими личными воспоминаниями. Естественно, что после такого длительного времени я далеко не все запомнил, что рассказывал дядя и видел сам.

В девятнадцатом веке из западных государств, включая Прибалтику, в Россию на постоянное жительство переселялось много мигрантов. Поскольку Псковская губерния находится близко от западных границ, в ней их оседало на постоянное жительство большое количество. В числе их на Псковщине оказались и представители фамилии Тиме. Наши предки еще в восемнадцатом веке жили в Баварии и занимались в области лесничества, а некоторые из них также были мельниками. Мой прадед Антон Тиме, который, видимо, также заразился миграционным настроением, перебрался из Баварии в Латвию (Курляндию), где успешно работал на водяных и ветровых мельницах. Это было в конце восемнадцатого века. У прадеда Антона было четыре сына и дочь, которые в свою очередь, переселились из Латвии в Псковскую губернию.

Один из его сыновей, имени которого я не знаю, поселился в городе Опочке, был женат, но бездетен, работал служащим, но вскоре умер и был похоронен в Опочке. Другие два сына Адольф и Юлий и их сестра Луиза переселились из Латвии в поселок Городец, что находится под Лугой, южнее ее по Киевскому шоссе на двадцать пять верст. В Городце у них была мельница с приводом от локомотива. Они все жили также в одной большой семье. Близких контактов друг с другом наши семьи не поддерживали, но их старшие иногда посещали Захино. Отношения у нас с ними были хорошие. В начале двадцатых годов мой отец с моей мачехой были у них в гостях. Их семьям от большевиков досталось очень сильно: в 1928 году они были «раскулачены», а старики высланы в Сибирь в товарных вагонах. Некоторые из них умерли в пути. Их потомки до Отечественной войны жили во Пскове.

Мой дед Альберт Антонович был в Курляндии награжден за что-то званием почетного гражданина города Бауска под Ригой, в котором он проживал. Переселился он в Псковскую губернию в 1860 году с женою Агнессой Федоровной (см. фото 137 и 357). Она была дочерью бедной женщины, жившей на подаяниях, которая к тому же была косноязычна, но имела дочь красавицу. Про нее дядя рассказывал, что она даже пыталась из-за житейских неурядиц покончить счеты с жизнью, для чего бросилась под рабочее колесо водяной мельницы, но, к счастью, неудачно. По национальности она была латышкой. Дочь же ее Агнесса покорила своей красотой моего деда. В Псковскую губернию дед переселился уже будучи профессиональным мельником и первое время работал по найму на ветряной мельнице, принадлежавшей князю Львову в поселке Гора. Однако у князя он проработал недолго. Вскоре он взял в аренду водяную мельницу с наливными приводными колесами, в селе Захино у самого богатого в волости, владеющего большими пахотными угодьями и лесом, помещика Фаменцина Николая Николаевича. Имение его находилось в селе Облицово, расположенном в двенадцати верстах на север от Захина по большаку в Святые Горы. Этот помещик лично мало занимался своим обширным хозяйством; поручив управление им своим служащим, сам, наподобие гоголевского Ноздрева, проводил время в частых кутежах и картежных играх, для чего ездил в Новоржев или

в Опочку. Про него рассказывали, что он был до того экстравагантен, что появлялся в обществе в красных брюках с нарисованными на них петухами. Проезжая мимо Захина по пути в Опочку, он каждый раз брал у деда взаймы деньги для своих кутежей. Вскоре сумма долга превысила стоимость всей мельницы, включая землю, после чего по любовной договоренности была оформлена купчая на продажу деду мельницы с участком земли, а также двадцать десятин запущенных и заболоченных угодий рядом с Захином. Этот помещик, несмотря на свою разгульную жизнь, прожил до глубокой старости и скончался перед началом первой мировой войны.

Значительно позже моя мать Евгения Владимировна была в хороших отношениях с женой сына этого помещика; его так же, как и отца, звали Николаем Николаевичем, но - младшим. Она иногда посещала свою подругу в Облицове и однажды взяла меня с собою. Мне тогда было около пяти лет. Как сейчас помню, ехали мы в Облицово в коляске, в дышлового упряжке, как мне показалось, очень быстро. Приехав, мать пошла к хозяйке, а меня оставила с Николаем Николаевичем - старшим, которому было уже свыше девяноста лет. Это был на вид крепкий высокий старик с большой белой бородою. Он мне показывал семейные альбомы со снимками, а также рассказывал, что, будучи еще мальчишкой, видел Пушкина, когда тот жил в Михайловском и посещал ближайших помещиков.

Чтобы создалась полная картина, необходимо коснуться остальных имений, которые были вблизи от Захина, тем более, что наша семья поддерживала хорошие отношения со многими их хозяевами.

Имение Стрелицы на правом берегу реки Великой, в трех верстах от Захина. Фамилию владельца я запомнил. У него были две дочери, которые, выйдя обе замуж, жили с мужьями в этом имении после смерти тестя. У одного из них - Сырова был трехколесный автомобиль, более похожий на извозчичью коляску. Он иногда приезжал на нем к нам в Захино. На второй дочери был женат поляк Меницкий Иосиф Иванович - царский военный генерал, который впоследствии добровольно перешел на сторону советской власти, служил в Красной Армии и преподавал в военном училище. Ему повезло: он успел умереть до начала большевистских репрессий. Старший его сын слу-

жил в белой армии офицером и воевал против большевиков. Он с женою эмигрировал из Крыма в Париж, но после, поверив большевикам, обещавшим реабилитировать всех вернувшихся белых офицеров, приехал с женой и детьми в СССР и поселился в своем имении, но, спустя некоторое недлительное время, попал в Гулаг, и заодно прихватили туда же и его младшего брата Олега ни в чем не повинного, с которым мы дружили. Оба они там сгинули.

В восточном направлении от Захина в семи верстах, было небольшое имение сестер Низовцевых, очень напоминавших мне гоголевскую Коробочку. Раза два мы их летом навещали, и оба раза там подавали на обед очень вкусную клубнику со взбитыми сливками. У них жила приемная дочь, которая позже вышла замуж за нашего управляющего сельским хозяйством. Он попал к нам в 1914 году сразу после начала войны. Будучи немцем, он случайно остался в России и не смог своевременно уехать в Германию. Со стороны русских властей он никаким преследованиям и репрессиям не подвергался. Говорил он по-русски в то время совсем плохо, и дядя с отцом разговаривали первое время с ним по-немецки. Его приняли к нам на работу в должности управляющего сельским хозяйством, что для нас было не особенно нужно, но все же освобождало дядю для других занятий. Звали его Рейнгольд Шперлинг, но у нас для удобства его переименовали в Николая Ивановича. Пробыв у нас до 1921 года, он женился и уехал примаком в имение жены.

В селе Блясино, находящемся около латвийской границы, было имение Яновичей, которые иногда бывали у нас в гостях и проживали периодически в Опочке. Хозяин имения В. И. Янович (см. фото 65 - мужчина с бугылкой и пистолетом) первый в нашем округе приобрел легковой автомобиль, на котором приезжал к нам в Захино и катал на нем ребят. У него в имении была мельница с изготовленными на нашем заводе турбинами. Он считался в нашем округе самым образцовым хозяином и получал со своих угодий большие урожаи. Будучи страстным любителем охоты на волков, он наряду с моим отцом и дядей часто участвовал на облавных охотах.

В селе Рушково владевший имением и мельницей А. А. Эверт также посещал нас

в Захине, приезжая на собственном легковом автомобиле Форд – первая модель Т, на котором нам, ребятам, также удавалось, к нашему большому удовольствию, покататься. Его мельница тоже была оснащена нашими турбинами.

Около ямской станции Барабаны было небольшое имение Холоденка, принадлежавшее немцу В. Функе, дочь которого Эмма Васильевна преподавала в Опочечком реальном училище немецкий язык. Она часто бывала у нас.

Также около Барабан было имение Емельянцево, принадлежавшее немцу по фамилии Вольф, но с ним мы знакомы не были.

Несколько имений в нашем округе были заброшены или проданы бывшими их хозяевами. Обычно дома их постепенно разрушались и исчезали.

Крестьянских же деревень не только в нашем округе, но и во всей Псковской губернии в то время было великое множество. Некоторые деревни так близко располагались друг от друга, что постепенно сливались в одну большую. Размеры деревень в среднем были небольшие и насчитывали не более пятидесяти дворов. После реформ Петра Столыпина в наших краях появилось много хуторов, в которых жили крестьяне, получившие в полную собственность земельные отруба. Хозяев их на Псковщине называли «жихари». Как правило, все они вскоре становились зажиточными. Почти все они во время организованной большевиками «борьбы с кулачеством» подверглись репрессиям и были высланы в Сибирь. Их хутора еще долго стояли пустыми, пока все избы и постройки не были окончательно разворованы.

Пахотных земель крестьянскому населению в то время в наших краях явно не хватало, собственного выращиваемого хлеба хватало лишь до весны, хорошо - если до лета, поэтому крестьяне очень нуждались в дополнительных заработках, для чего они работали в ближайших имениях или временно уезжали в свободное от сельскохозяйственных работ время в ближайшие города на работу. По этой же причине среди крестьян весьма широко были развиты различные ремесла. Меня всегда поражало высокое качество изготавливаемых изделий местных ремесленников: бондарей, кузнецов, шорников, сапожников, портных и многих других специальностей. Все это можно было видеть на опочечких ярмарках, обычно приуро-

ченных к церковным праздникам и длившихся по несколько дней, на которые из ближних и дальних деревень съезжались крестьянские обозы с товаром. Перед ярмаркой эти обозы шли по нашему большаку всю ночь, причем каждый обоз состоял из подвод с товаром, изготовленным жильцами одной деревни. И так со всех сторон города Опочки, а больших дорог, входящих в Опочку, всего пять. Поэтому к утру их собиралось в городе целая тьма. Побывав на такой ярмарке, в центре которой на главной площади города кругом собора и на всех ближних прилегающих улицах было полно подвод крестьян с продаваемым товаром, я всегда чувствовал какое-то праздничное настроение, очевидно потому, что это происходило в праздничные дни. На Пасхальной ярмарке ребята любили играть в битье яиц. Брала у одной из стоящих в ряд женщин с корзинками, полными крашенных яиц, по одному яйцу и стучались ими. У кого разбивалось, тот платил. А оба яйца забирал победитель.

Насколько густо располагались в нашем округе деревни - перечислю наименования деревень, расположенных по берегам Великой, начиная от Барабан и вниз по течению реки вблизи Захина на двенадцати верстах: Молоково, Дедкабак, Парядино, Кадниково, Тиханицы, Коровкино, имение Стрелицы, Солпа, Ильмова Гора, Кальжиха, погост Утретки, Есипово, Зенки, Лукина Гора, Шпыни, Бельдоги, Москвино, Брошково. Получается, что между деревнями не более половины версты. В настоящее время от этих деревень сохранилось менее половины и в оставшихся стало значительно меньше дворов, в которых живут одни старухи, которых обслуживают за самогон алкаши, а молодежь перебралась на постоянное жительство в города.

Несколько слов о местности нашего края. Река Великая протекает по долине, расположенной в направлении с юга на север и имеет около десяти притоков. На одном из правых притоков - речке Кудке, сравнительно маловодной, находится в одной версте от устья ее село Захино. Через него проходит гравийная дорога с прокопанными с обеих сторон кюветами, называемая местными жителями «большак», начинающийся от ямской станции Барабаны (на шоссе Спб - Киев) и доходящий до поселка Святые Горы, который находится от Захина в двадцати пяти верстах.

Долина реки Великой образована в ледниковый период одним из отрогов ледника. Доказательством этому служит чрезвычайно большое количество принесенных ледником с северных гор мелких и порой попадающихся очень крупных гранитных камней, как бесформенных, так и в виде булыжников различной величины. Некоторые поля, расположенные по краям долины, невозможно было обрабатывать без предварительной тщательной уборки камней. Они населением постепенно убирались и складывались в кучи, которые местами сохранились до сих пор. Эти камни явились отличным строительным материалом, заменяющим кирпич при строительстве стен зданий. В частности наш жилой дом был построен из этих камней, которые предварительно кололи, чтобы получить плоские поверхности.

Поскольку края долины значительно выше ее середины, по которой с юга на север протекает река Великая, все речки, впадающие в нее, имеют значительные уклоны, что дало возможность построить почти на каждой из них по три и более мельниц. Возможный подъем воды у некоторых из них доходил до семи и более футов. Границей подъема воды на построенных плотинах мельниц являлись прибрежные луга, на которых крестьяне косили высоко ценное ими сено. Поэтому нельзя было мельникам поднимать уровень верхнего бьефа выше этой границы.

Обосновавшись в Захине, дед наш Альберт Антонович, уже как владелец мельницы, будучи весьма трудолюбивым и опытным мельником, сумел вскоре достичь больших успехов, как на работе в мельнице, хорошо зарабатывая на помол зерна местным крестьянам, так и в сельском хозяйстве, произведя большие работы по возрождению участка пахотной земли, купленной у Фаменцина, очистив его от кустов и прокопав для осушки канавы со стоком воды в ближайший ручей. Кроме этого, он произвел большие работы по ремонту запруды и здания мельницы. Эти труды деда не пропали даром, а явились в будущем финансовым фундаментом для дальнейшего развития производства.

Старший его сын Эдуард окончил в Риге гимназию, поступил и недолго работал на рижском механическом заводе, на котором изготавливались в небольшом количестве водяные турбины. Работая на этом заводе, он

ознакомился с технологией производства турбин и их эксплуатацией. Возвратясь из Риги в Захино, как он рассказывал, надо было выбрать свою дальнейшую деятельность. Он говорил, что можно было в то время быстро разбогатеть, если поступиться моральными принципами, открыть в округе кабаки и в качестве ценовальника спаивать народ. Однако он этим не соблазнился (видимо - пошутил), а решил заняться полезным трудом в Захине.

Желание повысить производительность мельницы своего отца, мысль заменить на ней приводные водяные колеса турбинами пришла ему еще в период работы на рижском заводе. Он видел, что по сравнению с деревянными громоздкими водяными колесами, которыми в то время были оснащены в России все малые водяные мельницы, турбины имеют несравнимые преимущества в их работе, стоимости и обслуживании, а главное то, что коэффициент полезного действия турбин системы Жонваля, применяемых на малых реках с малыми подъемами воды - не ниже 0,8, а водяные колеса имеют КПД не выше 0,3, что дает возможность повысить мощность до 2,5 раза.

Однако, для этого необходимо было иметь значительный капитал, а заработанных дедом средств не хватало. Пришлось за кредитом обратиться в Опочецкий банк. В то время в наших краях промышленность была развита очень слабо и банк кредитовал только купеческое сословие. Поэтому дяде Эдуарду пришлось вступить во вторую купеческую гильдию и внести в банк залог, что и было сделано. После этой операции банк снабдил Эдуарда необходимой суммой.

Из существовавших тогда систем турбин была выбрана турбина системы Жонваля, поскольку она хорошо работает на малых подъемах воды и не боится незначительных подъемов уровня воды нижнего бьефа.

Вследствие малого опыта и отсутствия необходимого оборудования, которое приходилось приобретать, первую турбину изготавливали и устанавливали на мельнице длительное время, тем более, что для этого одновременно пришлось строить новое каменное здание мельницы. Несколько времени позже, когда решили продолжать производство турбин, как для своих нужд, так и для заказчиков, к новой мельнице пристроили каменный корпус завода.

После постройки мельницы производительность ее резко увеличилась, что дало возможность приобретать необходимое оборудование для завода и постепенно погашать долг банку.

Дело медленно налаживалось, и к 1889 году было изготовлено несколько турбин, мельница была оснащена четырьмя турбинами, закончено строительство корпуса завода, началось регулярное производство турбин и другого мельничного оборудования по заказам, а также мельница начала работать на полную мощность.

Надо отдать должное дяде Эдуарду, проявившему тогда незаурядные энергию, организаторские и конструкторские способности, как при создании завода, перестройке мельницы, так и при дальнейших работах по расширению производства турбин и различных изделий в других областях, а также в сельском хозяйстве, совместно со своим отцом внедрившему на участке пахотной земли, приведенной ими в порядок, семипольную систему, что сразу же дало очень хорошие результаты. Этой же деятельностью он занимался с такой же энергией в продолжение всей своей трудовой жизни в Захине.

Кроме турбин на заводе производились все необходимые мельничные принадлежности, включая жернова, как естественные, так и искусственные, различные мельничные поставы, машины для очистки зерна, сукновальни, шерсточесальные машины и для производства кирпичей, для переработки льна и изготовления льняного масла. Спрос на производимое на нашем заводе все это оборудование был неограничен и вначале ближайšie, и позднее дальние мельницы оснащались изготовленными у нас турбинами и прочим оборудованием.

Вскоре после перестройки корпусов мельницы и завода к мельничному корпусу пристроили небольшой сукновальный цех, а в заводском корпусе отвели помещение для шерсточесального цеха. Оборудование для этих двух цехов изготовили на своем заводе. Позже прокопали вторую протоку и над ней построили каменное здание с тремя турбинами для электростанции и маслобойного цеха, а в деревянной пристройке к этому зданию - лесопильный цех с пилорамой и станком для обрезки досок. В этом цехе пилили лес на доски не только для своих нужд и производства, но и местным жителям из привозимого ими леса. Однажды кто-

то из крестьян привез на нескольких лошадях громадный дубовый ствол длиной около шести метров и в комле не менее семидесяти сантиметров и свалил его около лесопилки. Когда его измерили, оказалось, что распилить его на нашей пилораме невозможно: не хватает длины хода пил и, кроме того, этот кляч не лез даже по своему диаметру в раму. Крестьянин отказался увезти его обратно и оставил на произвол судьбы. У нас же его расплили пополам, а из одной половины изготовили двойной клиновой пресс, продолбив в колоде два прямоугольных паза, в которые закладывалась в продолговатых мешках прожаренная масса из перемолотого льняного семени, и клиньями, по которым ударяли приводные от турбин две бабы, выжимали из нее масло.

Второй лесопильный цех был построен около Опочки у деревни Шлепетня и при нем - деревянный одноэтажный жилой дом с подсобными постройками, который занимал управляющий цехом Карл Владимирович Мерзвинский, переехавший туда из Захина со своей семьей. Рентабельность этих цехов была очень высока - в 1913 году оба этих цеха, работая в некоторые дни по две смены, давали до пятисот рублей дохода в день.

По этой причине дядя с моим отцом решили значительно выше по течению реки Сорть от пушкинского села Михайловского построить еще один лесопильный цех. Река Сорть берет начало и в верховье протекает через большие массивы еловых и сосновых строевых лесов, в которых в то время водились даже медведи. Оттуда удобно было бы сплавом доставлять бревна к лесопильному заводу. Запруживать в том месте реку и ставить турбину по каким-то причинам было нецелесообразно. Поэтому был закуплен полный комплект оборудования для этого цеха, включая пилораму и локомобиль, который на станции Остров грузили на специальную платформу, запряженную несколькими лошадьми. Во время погрузки дяде Эдуарду колесом локомобиля прищемило кисть правой руки и переломало кости. Его срочно доставили в опочецкую больницу, но поскольку там хирурга не оказалось, операцию было делать некому и кости срослись, как попало. Так он до конца жизни проходил с рукою в сшитой Клавдией Ивановной специальной перчатке. После этого писал он с трудом, и по-

черк стал корявый. Однако этот лесопильный цех по разным, независящим от нас причинам, построен не был и этот локомотив был привезен в Захино и периодически использовался в лесопильном цеху во время маловодья реки.

В семи верстах от Захина вверх по правому берегу реки Великой, около деревни Парядино, выходят на поверхность земли мощные залежи чистой красной глины высокого качества, пригодной для производства кирпича. На этом месте были построены две предназначенные для обжига кирпича печи Гофмана и установлено все оборудование для перемешивания глины с песком и формовки кирпичей, которое изготовили на своем заводе. На постоянной работе там был только один мастер, а подсобные рабочие, вследствие периодичности цикла производства кирпичей, нанимались временно из соседних деревень.

Около села Блясино в двадцати верстах от Захина в лесу были обнаружены залежи железных сурика и охры, которые толстым слоем находились на самом вершугрунта под тонким слоем земли и мха. Разработку этих залежей и изготовление из них очищенного железного сурика у нас начали производить в начале войны. Для этого над первой протокой перед мельницей в ранее построенном каменном корпусе разместили изготовленное у нас оборудование для очистки и обжига краски, а также построили невдалеке сарай для ее сушки. Всю краску продавали по договору предприятию, находящемуся на Ватном острове в Петрограде, которую отправляли без тары в товарных вагонах со станции Вощагино. Производством краски мы занимались до 1927 года, а за последнюю порцию краски, отправленной в последнем вагоне, денег мы так и не получили.

Мой отец Альберт Альбертович родился в апреле 1917 года и по возрасту не мог участвовать в начальных работах по созданию предприятия. Окончив в Риге гимназию, он поступил в высшее техническое учебное заведение, но вскоре был исключен из него за участие в студенческих беспорядках. После возвращения в Захино в конце девятнадцатого века он включился в работу предприятия и занимался преимущественно управлением работ на заводе, мельнице и фруктовым садом, на котором, вследствие его больших размеров, было много работ. Заводом он управлял очень успешно и

освободил моего дядю Эдуарда, дав ему возможность более глубоко заняться другими имеющимися у нас производствами, включая управление сельским хозяйством и внешними сношениями с заказчиками, которых было в то время много. От периода учебы моего отца в институте осталось несколько различных изделий, которые отец выполнил в качестве практических работ, входящих в программу обучения. Одной из его работ был небольшой изящный никелированный винтовой пресс, в котором зажимались почтовые квитанции. Он стоял на письменном столе в конторе нашего дома. У отца были умелые руки, но, к сожалению, он позже мало что мастерил.

Электростанцией в Захине занялся мой отец. Была сооружена небольшая пристройка к каменному зданию на второй протоке, установлена в ней динамо на 117 вольт и подведен привод от турбины посредством ременной передачи. Эта динамо-машина была неисправна, и отец сам перемотал магнитные катушки. Электроэнергия служила исключительно для освещения и подавалась наружной проводкой на столбах во все основные собственные постройки и также бесплатно во все дома жильцов села Захина. Электростанция работала только в вечернее время - с начала темноты до двадцати четырех часов. Перерывы в работе электростанции были только во время летнего маловодья, что случалось почти ежегодно, и во время весеннего половодья, когда подымался уровень воды со стороны реки Великой и на запруде убирались все ограждения воды для пропуска ледохода. Это обычно длилось до двух недель, во время которых мельница и завод не работали, и рабочие уходили на это время в вынужденный отпуск.

Недостатка в рабочей силе на нашем предприятии никогда не было. Контингент как постоянных, так и временных рабочих всегда можно было пополнить желающими из ближайших деревень. При необходимости сезонные работы выполняли временные рабочие, которые для перевозки грузов также нанимались со своими подводами, например для перевозки в Захино с места разработок добытой краски или доставки сухим путем бревен, которые срубали в лесах, принадлежавших ближайшим помещикам. Однажды на лесорубе купленного леса падающим деревом убило лошадь у крестьян-

нина, который был нанят для этих перевозок. У нас тогда было несколько рабочих лошадей, и дядя Эдуард отдал одну из них по выбору потерпевшему.

На мельнице обычно работал один мельник, а при большом количестве помольцев, что всегда бывало осенью, ему в помощь придавался один, а то и два помощника. Сукновальная и шерсточесальная были также в ведении мельника. Он был опытным и квалифицированным мастером, выполнявшим мелкий ремонт на мельнице, а также изготовление и ремонтную насечку жерновов.

На самом заводе в механическом, турбинном, столярном и кузнечном цехах работало около сорока человек. Среди них были высококвалифицированные токари, слесари, кузнецы и столяры, которые выполняли различные сложные работы часто без чертежей, а по эскизам, простые детали изготавливали со слов мастера. Все высококвалифицированные рабочие, как правило, работали на нашем заводе длительное время. Среди них мне хорошо запомнился один опытный слесарь, которому поручались наиболее трудные слесарные работы, выполняемые им с высоким мастерством. У него были действительно золотые руки. Имени я его не помню, а все звали его дедом; это был маленький старичок с клиновидной рыжеватой бородкой, и по его внешнему виду никак нельзя было подумать, что он такой мастер. Дома у него в деревне было что-то вроде мастерской, в которой он в свободное время работал по заказам местного населения. Например, он из черной жести изготавливал ведра, непаяные швы которых не пропускали воду. Когда я после окончания школы пытался поступить в Политехнический институт в Ленинграде, и не был допущен к экзаменам из-за неподходящего социального происхождения и начал работать на отобранном у нас заводе в качестве ученика слесаря, то под руководством деда успешно изготовил новую курковую пружину к своему ружью, которая получилась даже лучше сломанной.

В механическом цеху всеми работами управлял главный мастер, живший со своей большой семьей во втором этаже нового народного дома, построенного и принадлежавшего нашей семье. В ведении же всего предприятия был управляющий, который жил в спе-

циально для него построенной за мостом через реку усадьбе.

В нашем сельском хозяйстве работало около трех постоянных работников и кроме них, еще на постоянной работе были кучер с конюхом, прачки, горничные и две поварихи, в ведении которых были подсобные работницы. Еще был один садовник, проработавший у нас до начала мировой войны. Одна из поварих обслуживала рабочих, а другая нашу семью. Рабочие завода, большинство из которых жили в ближайших деревнях и ежедневно приходили на работу, получали обед, а остальные, включая сельскохозяйственных работников, - полное довольствие.

Во время первой мировой войны рано осенью ударили сильные кратковременные морозы, которые погубили находящийся еще в поле картофель, как нашего урожая, так и у крестьян местных деревень. Дядя Эдуард по дешевке закупил в большом количестве мерзлый картофель, из которого на оборудовании красочного цеха изготовили большое количество белоснежного картофельного крахмала для своего пользования, а большой остаток был продан.

В двух верстах от Захина, на реке Великой, сразу ниже деревни Солпы, расположенной по обоим высоким берегам реки, находятся пороги с перепадом воды около трех футов. Дно реки в этом месте представляет мощный слой известковых плит, что является идеальным условием для строительства в этом месте плотины и турбинного здания. Возможность при этом поднять верхний уровень реки на полтора метра без опасности залива прибрежных лугов и большое количество воды обеспечило бы постоянную работу нескольких турбин системы Жонваля. Моим дяде и отцу пришла идея построить на порогах плотину с турбинным зданием, а на берегу - завод по переработке льна на льняное волокно. Лен в то время крестьяне в Псковской губернии сеяли в очень больших количествах и из всего выращенного льна сами дедовским путем, очень трудоемким и длительным процессом изготавливали льняное волокно, которое в очень малом количестве применяли для своих нужд, делая из него льняное узкое полотно, а остальное в большом количестве перекупщиками продавалось за границу, а оттуда возвращалось обратно в Россию в виде дорогого льняного полотна

высокого качества. Особенно в то время этим процессом занималась Бельгия, при этом зарабатывая большие капиталы. Идея братьев Тиме заключалась в том, чтобы весь процесс от выращенного льна до получения полотна осуществлялся в России, что освобождало крестьян от трудоемких работ по замачиванию в специальных мочилах льна, его сушки и дальнейшей ручной переработки, кроме того, давало им много рабочих мест на строительстве плотины и корпусов завода, а также последующей постоянной работе на заводе. Для осуществления этой идеи необходимо было в первую очередь создать завод для получения льноволокна, а в последствии, во вторую очередь, изготовления из него пряжи и волокна. Предприятия второй очереди можно было бы разместить и в других местах, где было много безработных. Были сняты необходимые замеры реки и порогов, выполнен проект строительства плотины и турбинного здания. Для дальнейших работ потребовался значительный капитал, превышающий имеющиеся у нас свободные средства и кредитования опочечским банком. Пришлось создать акционерное общество и выпустить акции на строительство, но собрать необходимые средства все же не удалось, и эта идея осталась не выполненной. Может быть и к лучшему, поскольку вскоре началась мировая война с последовавшим большевистским переворотом. И пороги на реке Великой, которые очень красивы, остались в девственном состоянии. Их шум хорошо был слышен тихими летними вечерами из Захина.

Наш дед, Альберт Антонович, любил возиться с пчелами и на своей пасеке, расположенной в середине яблочного сада, кроме небольшого количества самодельных пчелиных домиков, имел еще две старинные колоды с пчелами. После его смерти, с небольшим перерывом, мы продолжали заниматься пчелами, и иногда на нашей пасеке бывало до десяти домиков. Ухаживали за пчелами только члены нашей семьи, а выгонку меда производили в доме в саду. Центрифугу и домики с рамками изготавливали в столярном цеху нашего завода.

Умер наш дед в 1906 году вскоре после рождения внука Антона, о котором он перед смертью говорил, что это он родился взамен меня. Видимо, он уже почувствовал приближение смерти. Болел он, как тогда говорили -

водянкой. Очевидно, что-то у него было с сердцем. После его смерти осталось несколько сигар и трубка, хотя курил он очень мало. Взрослые мужчины в нашей общей семье не курили, и также пьяными я их не видел никогда, но пропустить несколько рюмок водки или коньяку, особенно после бани и в праздники, они были не прочь. А яблочное вино собственного изготовления в большом коническом графине за обедом на столе стояло почти всегда.

Снимков деда Альберта у нас сохранилось очень мало, так как фотографироваться он, а также его сын Эдуард, не любили. Дед часто охотился на зайцев с гончими - эту охоту он очень любил. Имел он старинное шомпольное ружье несколько больше двенадцатого калибра и не отвешивал порох и дробь, а насыпал в ствол ружья на глаз. Стрелял он хорошо и редко мазал. Про него в семье у нас ходила такая легенда. Однажды к нему из Латвии приехал его знакомый, и они пошли в Клин (лес недалеко от Захина) на охоту с гончей на зайцев и, стоя рядом недалеко друг от друга, ждали зайца, которого гнала собака. И вдруг знакомый кричит деду: «Albert, ein Bar kommt!» - и медведю, который шел прямо на деда, не понравилась немецкая речь, и он свернул в лес.

Между собой дед с бабушкой разговаривали по-немецки. Бабушку Агнессу Федоровну я помню довольно плохо, хотя она со мною маленьким очень много нянчилась и научила меня сначала немного лепетать по-немецки, а научился я говорить по-русски только после ее смерти. Умерла она в 1913 году, также как и дед, от водянки; перед смертью она была очень грузная. Дед с бабкой занимали всегда комнаты на втором этаже деревянного дома, куда вела довольно узкая, с деревянными перилами, лестница.

Они были, по-видимому, люди очень добрые, имея своих троих детей, приютили в своей семье и приняли на работу двух мальчиков, которые уже начинали, но довольно безуспешно, свою трудовую жизнь. Это были из очень большой семьи Карл Владимирович Мержвинский и латыш Карл Андреевич Цекуль. Работая на заводе и мельнице, оба они вскоре проявили большое трудолюбие и незаурядные способности при обучении выбранным ими профессиям. Карл Андреевич работал на нашей мельнице с небольшими перерывами, в качестве мельника, почти всю свою жизнь, а также

командировался, как специалист, для руководства на строительстве мельниц и монтаже турбин у наших заказчиков. Молодым, живя в Захине, он был очень шустрым парнем и пользовался большим успехом среди местных красавиц, но вскоре, еще в конце прошлого столетия, женился и остепенился. Поселился он в двенадцати верстах от Захина в деревне Лескутино на реке Исса, у своей жены в качестве примака. Был он также охотником, держал гончую, с которой ходил один или в компании с нами на охоту. Уволившись от нас в 1927 году, он жил еще у себя долго и умер в глубокой старости.

Карл Владимирович работал в турбинном цеху завода и позже длительное время управляющим завода, жил с семьей в усадьбе за рекой Кудкой. После постройки лесопильного цеха под Опочкой в Шлепетне, переселился туда с семьей и работал там, в качестве управляющего.

Нельзя не вспомнить об очень хорошем специалисте, Петре Николаевиче Шурове, поступившем в конце девятнадцатого века на работу в турбинный цех завода в качестве главного мастера цеха, в котором он проработал до своей смерти, последовавшей в 1922 году. При поступлении на работу он был уже женат и имел двоих детей. Через некоторое время после поступления на работу его призвали на военную службу, и он отсутствовал почти два года, что для нас явилось огорчением, поскольку он успешно руководил в турбинном цеху. Жена его, имени которой я не помню, потому что все звали ее Белкой, поскольку передние зубы выступали вперед, как у японцев, особенно переживала отсутствие мужа, до такой степени, что вскоре забеременела и, спустя положенное время, родила шустрого рыжего мальчика, которого назвали Васей. Колер рыжины его волос здорово смахивал на рыжую бороду Павла Владимировича Мержвинского, работавшего в то время на нашем заводе. Петр Никонович был человек очень благоразумный, со спокойным характером и, вернувшись с военной службы, признал Васю своим сыном без каких-либо конфликтов, чему явилось доказательством то, что после у них родилось еще трое детей: Виктор, Илья и Ариадна. Я и мои братья в детстве дружили с Василием, Виктором и Ильей и проводили с ними много свободного времени в играх в городки, лапту и на

охоте с гончими собаками на зайцев. Отец их, Петр Никонович, держал гончую, с которой также сам охотился, но главная его страсть была рыбная ловля сетью - путанкой. Для этого он имел долбленный из целого ствола дерева, просмоленный челн, который он привязывал в протоке у старого народного дома, к стволу росшей на берегу у самой кромки воды большой черной ольхи. После ловли рыбы, которая удачной была редко, сети развешивались для сушки на стене старого народного дома.

Интересна судьба Василия Шурова, которого тогда мы просто звали Васька - рыжий, поскольку у нас было знакомых Васек среди местных ребят много. Вначале, когда подрос, он недолго работал в лесопильном цеху нашего предприятия. Когда начался НЭП, он стал скупать у крестьян льняное волокно, невиделанные шкурки лисиц и зайцев, и контрабандным путем перевозил товар на нескольких нанятых у крестьян подводах, по проселочным дорогам через границу в Латвию, которая находилась от Захина в пятидесяти верстах и почти совсем не охранялась, а оттуда привозил спирт, померанцевую водку, мануфактурные и другие товары, которые продавал с большой прибылью местным лавочникам. Однако вскоре его наши власти засекали и посадили в тюрьму, в которой он сумел пробыть недолго. Освободившись, в Захино, где продолжала жить его семья, он не вернулся, а поступил и окончил в Ленинграде военное летное училище и начал служить в армии. После этого я его видел только один раз в 1936 году уже в должности командира эскадрильи. С отечественной войны он не вернулся. Я часто о нем вспоминаю, он мне нравился своей кипучей жизненной энергией.

Родился я после смерти деда Альберта, а бабушка Агнесса умерла, когда мне было всего шесть лет. Поэтому я смогу сообщить о них только то, что слышал от своих близких. Наши дед с бабушкой были очень порядочными и добродетельными людьми. Они строго исповедовали в своей жизни нравственные принципы честности, правдивости, трудолюбия и также заботы о ближних. Эти качества при воспитании они с успехом передали своим детям, которые уважали и любили родителей и друг друга. Между старшим братом Эдуардом и Альбертом, который был на четырнадцать лет его моложе, с детства и за все время совместной жизни сохранились дружеские отношения

и никогда не было никаких серьезных конфликтов. Все вопросы, как семейные, так и деловые решались мирным путем. Поэтому они после женитьбы обоих, последовавших в самом начале двадцатого века, не стали расставаться, а продолжали жить в одной большой семье, что успешно осуществлялось до 1928 года, когда большевики, закончив ограбление у нас всего имущества, выселили всех нас из Захина. Опочечские большевистские власти видимо не ожидали, что на аукционе, который проходил в Захине, при распродаже всего имущества они соберут сумму денег значительно большую, чем было назначено для уплаты нашего «долга» советской власти. В противном случае наших стариков увезли бы в товарных вагонах в Сибирь на погибель, как это сделали с нашими родственниками в Городце.

В руководстве предприятием и изысканием новых производств в этом дружном тандеме братьев Тиме обычно лидером был старший брат Эдуард, он постоянно придумывал и осуществлял новые производства, которые почти всегда оказывались рентабельными и давали доход. Между их женами обязанности также были распределены. Клавдия Ивановна, окончившая до выхода замуж сельско хозяйственные курсы, занималась огородами и парником, переработкой их продукции, руководством обеими кухнями и кормлением всей нашей большой семьи, а также еще многими другими домашними делами. Моя мать Евгения Владимировна занималась цветниками в саду, которых было много кругом дома, переработкой фруктов и ягод, приготовлением различных гастрономических блюд, тортов, варенья, паш и пр., о чем еще будет идти речь впереди. Она также много времени тратила на театральную деятельность в Опочке, где была художественным руководителем любительской труппы, а также занималась постановкой спектаклей в народном доме в Захине и детских - у себя дома.

За яблочным садом, в котором было около ста различных сортов яблонь, под руководством моего отца хорошо ухаживали, яблони своевременно удобряли, и он почти ежегодно давал яблочек значительно больше, чем потребляла наша семья. Поэтому начали изготавливать из зимних и осенних сортов яблочек приличное вино. На своем заводе для измельчения яблочек сделали ручные керамические вальцы и пресс

для отжима сока. Всем процессом изготовления вина, длившимся более месяца, командовал мой отец. Вино хранилось в бочках на стеллажах в подвалах каменного и садового домов. Вино можно было употреблять уже через год, но через три года качество его было значительно выше. В опочечской типографии отпечатали буклет с технологическим процессом изготовления яблочного вина, который распространялся среди местного населения.

На склоне к реке, напротив нашего жилого дома, было посажено еще до моего рождения много вишен, дававших почти ежегодно большие урожаи. За ними почему-то ухода было мало, поэтому они постепенно хирели, и в двадцатых годах урожаи резко снизились. В центре сада была посажена яблоня - апорт, которая несколько лет не давала совсем урожая. Первый ее урожай состоял из двух яблочек: одно нормальное, а другое, выросшее в самой середине кроны, не видное снаружи, было необычайно больших размеров - около двадцати сантиметров в диаметре. Таких больших яблочек я в своей жизни никогда не видел. На вкус оно было очень кислое. Впоследствии это дерево давало нормальные яблоки, но всегда в малом количестве. Вдоль стены каменного дома, с южной его стороны, отец сделал грядку, в которой посадил лозы черного и белого винограда. Он давал большие урожаи, ягоды были не очень крупными, но вкусными. Лозы его были очень длинные и крепились к стенке дома на крюках. Этот виноград боялся морозов, поэтому их приходилось каждую осень снимать с крюков и укладывать на грядку вдоль стены в ряд и утеплять на зиму еловыми лапками и опилками.

Будучи очень загружен работами по заводу и разными бухгалтерскими и чертежными делами, отец мой редко выезжал из Захина в какие-либо деловые поездки. Единственная длительная поездка, совместная с моей матерью, была им совершена за границу, в Германию, куда он был командирован опочечским земством для покупки автобусов, предназначенных для пассажирских перевозок между Опочкой и Островом. Попутно, как туристы, они посетили и другие государства, включая Францию и Италию, о чем, приехав, мать нам рассказывала. Эти автобусы имели вид больших колымаг с колесами, окантованными толстой сплошной резиной и с узенькими дверца-

ми в задней стенке кузова, в который пассажирам нужно было залезать по маленькой лесенке, а внутри по бокам были укреплены две скамейки, сидя на которых, пассажиры чувствовали сильную тряску. Автобусов было закуплено, кажется, только два и еще один открытый автомобиль, в котором могло разместиться восемь пассажиров. Один из автобусов водил шофер Прокофьев, ранее работавший у нас на заводе мастером.

Отец мой по характеру был человек очень добрый, которого в семье мы все любили, и вывести его из себя было очень трудно, однако один раз мне это удалось. Однажды, когда мне с Антоном было около десяти лет, с которым я дружил, а он был всегда главным в придумывании различных наших проказ, и говорит мне, что в лавке у купца Антонова он видел очень красивые кошельки. - Давай купим себе по кошельку. Поскольку у нас денег не было, он придумал воспользоваться в качестве денег почтовыми марками, которые в большом количестве лежали в письменном столе родителей. Стащив нужное количество, мы купили себе по кошельку. Конечно, вскоре родители раскрыли наше преступление, и отец стал допрашивать меня, а я начал что-то врать. Такого разъяренного я его не видел никогда, ни до, ни после. Хорошо, что мать заступилась за меня, а то меня собирался сечь. Это, как я теперь думаю, было бы мне на пользу, хотя после этого случая подобных поступков я не совершал и никогда ему не врал.

Теперь несколько слов о моих предках со стороны матери. Предупреждаю, что эту версию я составил из разных источников, включая краткие сведения, полученные от моего деда Владимира Васильевича Руднева, от брата Володи и др., поэтому она может быть не совсем точна. Мой дед В. В. Руднев родился в 1847 году в Оренбурге вне законного брака, что в то время считалось большим позором. Отца его звали Павлом, а фамилии его я не знаю. У моего деда была сестра - Вера Павловна. Когда мне было около восьми лет, дед показывал и дал мне прочитать статью в двух или трех номерах газеты об убийстве в Оренбурге его близкой родственницы с дочерью в их собственной квартире какими-то бандитами, которые также надругались над трупами убитых и ограбили квартиру. Как они ему приходились по родству, я не

помню. Это был, пожалуй, единственный случай, когда дедушка так откровенно говорил мне о своих родственниках. Я до сего времени не могу понять, зачем он решил показать мне, да еще такому малышу, эти номера газет. Мать деда вышла замуж за Василия Руднева, который усыновил моего будущего деда. А сестра его Вера Павловна впоследствии вышла замуж за Конашевича. Две ее дочери бывали у нас в Захине, по-видимому, еще до моего рождения. Их обеих можно увидеть на снимках моего отца: см. в альбомах фото 46 и 224.

Дед, получив педагогическое образование, преподавал в школах младших классов математику и физику и жил в городах Оренбурге, Новгороде и Риге. У него за этот период были изданы учебники для младших классов. За период своей трудовой жизни он дослужился до звания статского генерала и служил в должности инспектора училищ. Один год, уже живя постоянно в Захине, он преподавал математику в Опочечком реальном училище (в 1914 - 15 годах) и появлялся в училище в своем генеральском мундире с маленькими погончиками и с бутафорной шпагой на левом боку. Женат он был в 1876 году на Анне Григорьевне Серб-Страганович из сербской аристократической семьи. В самом начале двадцатого века он хворал, ему делали хирургическую операцию, но не совсем удачно, и он вынужден был уйти в отставку. Из Риги он переехал на постоянное жительство в Захино около 1905 года. Живя в Захине, дед по возможности продолжал свою преподавательскую деятельность, но уже с нами - детьми Эдуарда и Альберта, а также с детьми некоторых жильцов нашего села и с детьми крестьян ближайших деревень. Кроме этой деятельности, он на досуге занимался переплетом книг и имел всю необходимую для этого оснастку. Переплетал он очень качественно, и я любил наблюдать за его работой. По своему характеру дед был строг, и при преподавании дисциплина была высокая. В конце 1927 года осенью, когда над Захином нависли большевистские тучи, он уехал на постоянное жительство в Ленинград к сыну Льву Владимировичу; при переезде он простудился и скончался в больнице от воспаления легких, не дожив до восьмидесяти лет несколько дней.

Сын его, наш дядя, Лев Владимирович Руднев, еще студентом в самом начале двадца-

того века начал посещать Захино и проводил в нем свои летние каникулы в течение всего лета. Моя мать была старше его на четыре года и с детства его любила и опекала. Он с малолетства любил рисовать и в Захине почти все свое свободное время проводил в живописи с натуры различных пейзажей, эскизы которых складывал в большой сундук, стоявший в его комнате. Также по его проектам было построено у нас несколько построек: большой скотный двор с сеновалом, который наверху был украшен флюгером в виде петуха, летний деревянный двухэтажный дом в саду с балконом и колоннами и баня. Был он очень жизнерадостным и веселым, участвовал в устраиваемых у нас пикниках на природе, поездках на лодках в пушкинские места, помогал моей матери в постановках детских домашних спектаклей и любил возиться с нами, детьми, за что мы все его очень любили. Несколько раз он давал нам уроки по рисованию. Последний раз он посетил Захино в 1919 году и много выполнял портреты крестьян за съестные продукты, которые увез в Петроград, где в то время уже начался голод.

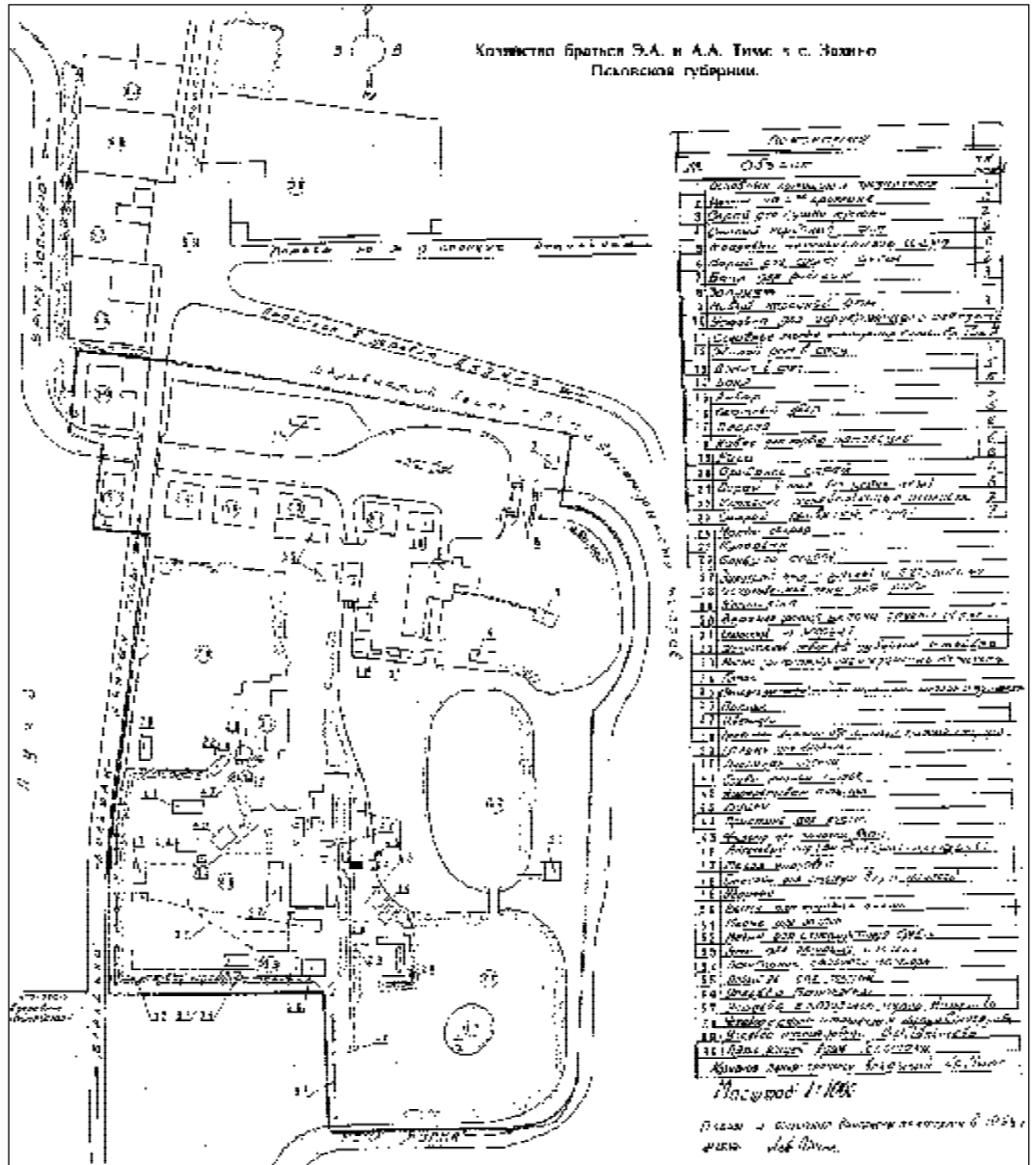
С 1919 года в Захине у нас жила мать Клавдии Ивановны - Анна Павловна Кудрявцева. Ей в то время было уже около семидесяти лет. Она приехала из Опочки в начале созданного большевиками искусственного голода, который свирепствовал в наших краях до начала НЭПа.

А у нас в семье все же было более или менее благополучно благодаря своему сельскому хозяйству. В это время у нас в округе была эпидемия детской дизентерии, от которой умерли в нашей семье моя двухлетняя сестра Галя и двоюродная сестра семнадцатилетняя Антонина, за которой ее бабушка до смерти ухаживала. Обе эти смерти последовали через год после кончины моей матери в конце весны 1919 года. Этот период был для нашей семьи очень тяжелый.

Интересно, что этой детской дизентерией взрослые не заболели. У нас почти все дети болели этой болезнью, кроме моей сестры Оли, которая была срочно отвезена в Шлепентю, где она пробыла до окончания эпидемии. Наш священник Модест Лавров говорил, что он в Утретках отпевал ежедневно не менее десяти крестьянских детей.

Анна Павловна, которую мы все звали бабушкой, была очень приятная, спокойная и разговорчивая старушка; она часто рассказывала о своей жизни и о всяких происходивших в Опочке событиях. Например, когда она еще была девочкой, с кавказской войны привезли в Опочку партию пленных черкесов, но они не смогли жить в наших условиях и вскоре все перемерли, по мнению бабушки, оттого, что их кормили черным ржаным хлебом, а он им был вреден.

Окончание следует

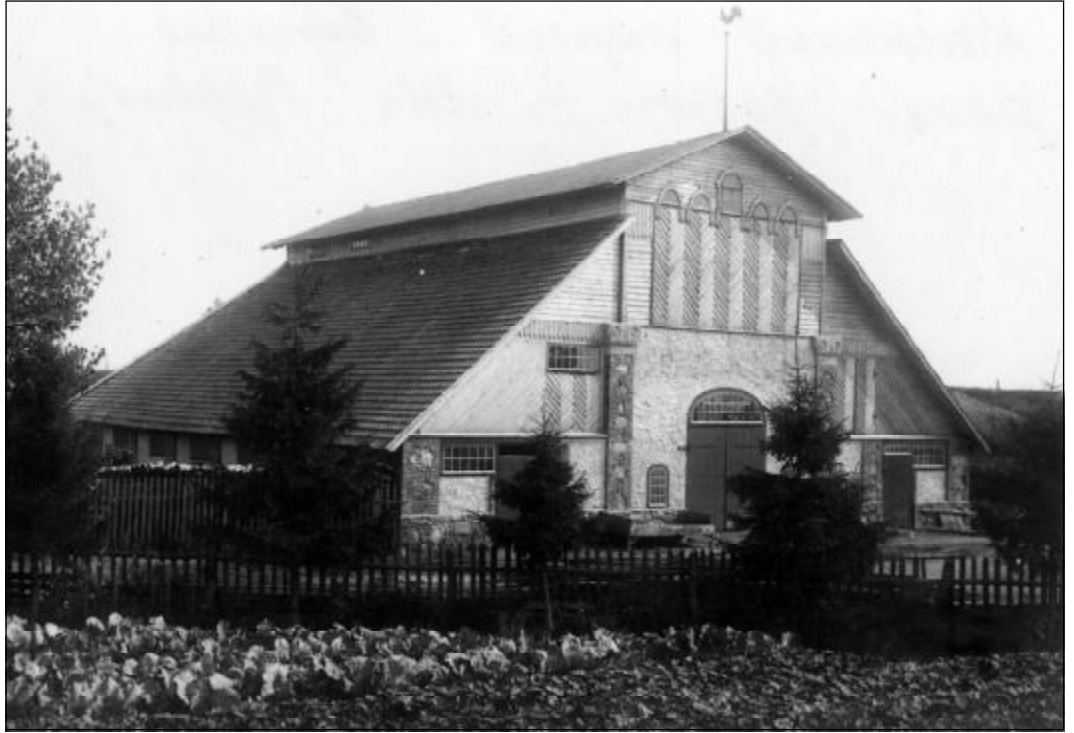

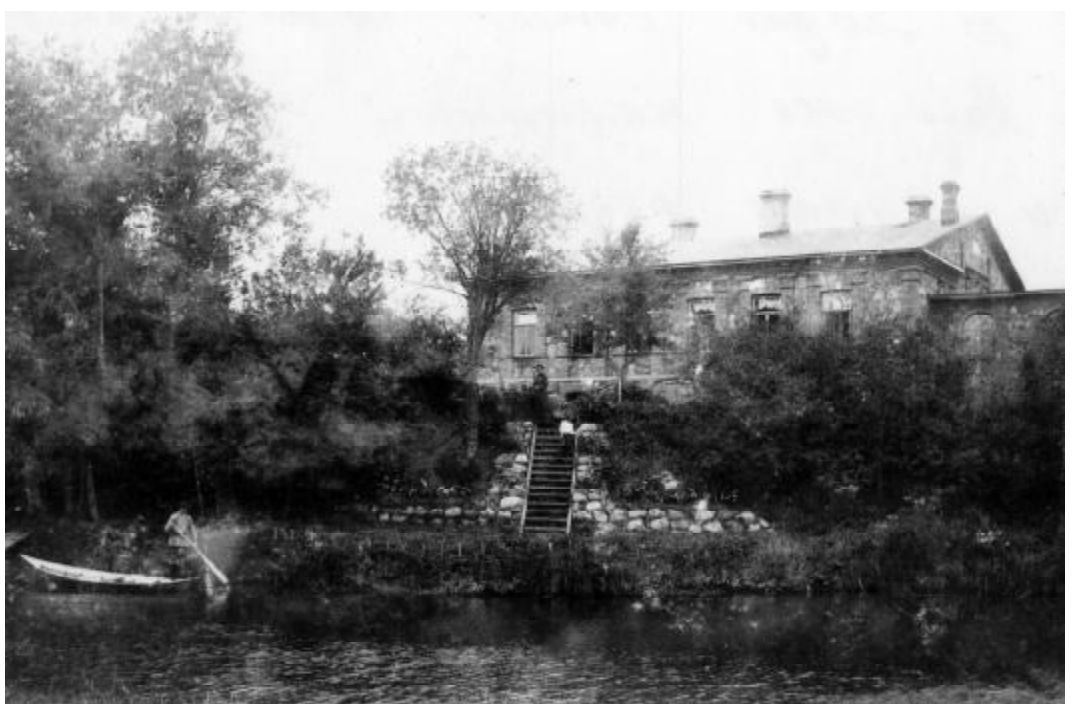
Деревянный дом, построенный Л.В. Рудневым - первая работа архитектора.
На снимке дети А.А. Тиме и Е.В. Рудневой (Тиме). Слева В.В. Руднев.

Господский дом, построенный из дикого камня.

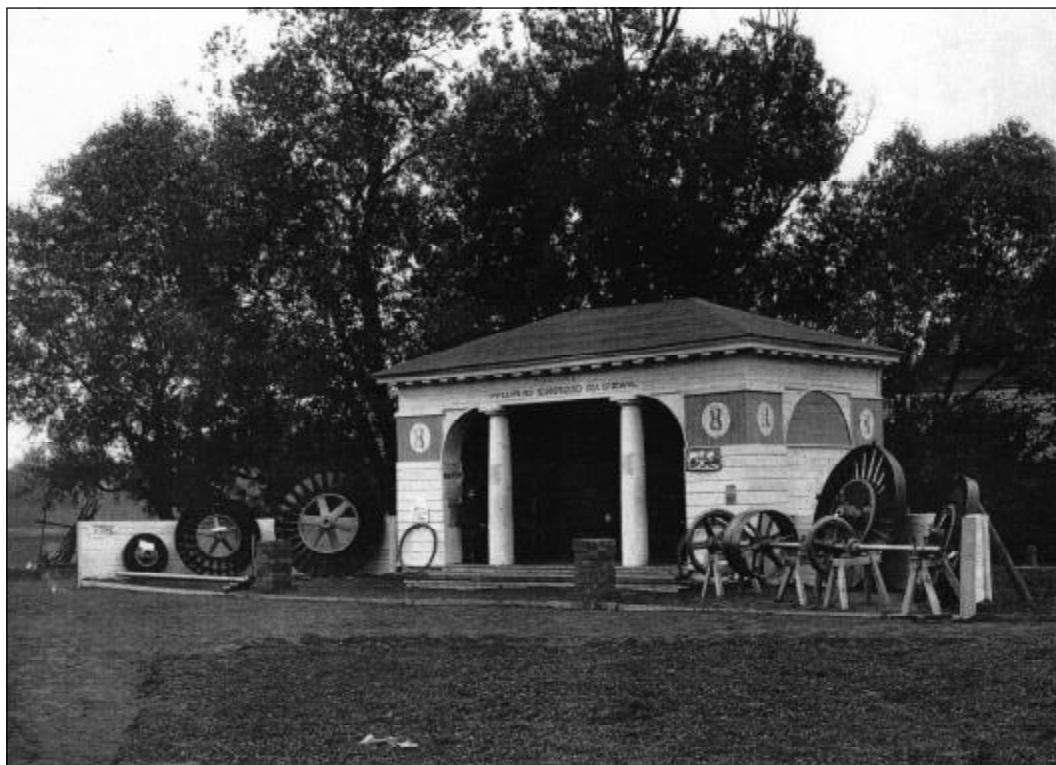

Каменный сарай построенный Л.В. Рудневым.

Господский дом. Вид со стороны реки. В лодке стоит Л.В. Руднев.

У турбиностроительного завода.

Захино. Турбиностроительный завод.

Опочка. Собор.

Е.В. Тиме.

Церковь в погосте Утретки в полутора верстах от Захино. Все дети семьи Тиме крещены в этой церкви.